

К началу 1970-х гг. Архангельск стал крупным центром объединения литературных сил. 12 – 13 октября 1970 г. в городе проходил выездной секретариат правления Союза писателей РСФСР. Участниками его работы стали писатели Москвы, Ленинграда, Вологды, Карелии, Коми АССР, Калининграда, Мурманска, Новгорода, Пскова. На встрече была рассмотрена тема «Человек труда в произведениях писателей Севера» [12, с. 2].

Итак, писательская организация Архангельска в послевоенное двадцатипятилетие восстанавливала силы, делала значительные организационные шаги вперед. В ее деятельности прослеживается два этапа: 1950 – середина 1960-х гг. – этап некоторой стагнации деятельности Архангельского отделения Союза писателей и, соответственно, середина 1960-х – начало 1970-х гг. – этап оживления и возрождения деятельности писательской организации. К концу 1960-х гг. развитие писательских сил выходит на новый уровень. В Архангельске открылось Северо-Западное книжное издательство, в Петрозаводске функционировал межобластной журнал «Север», укреплялся писательский актив за счет плеяды молодых писателей, выпускались различные сборники с участием писателей-северян, усиливалось взаимодействие с писателями иных областей.

Источники и литература

1. *Волинская, В.А.* Борис Семенович Пономарев / В.А. Волинская // Архангельская областная научная библиотека им. Н.А. Добролюбова: Проект «Литературный Север». – URL: <http://writers.aonb.ru/map/arkh/ponomarev.htm> (дата обращения: 21. 01. 2014).

2. *Галимова, Е.* Литература Архангельского Севера (обзор) / Е. Галимова // Архангельская областная научная библиотека им. Н.А. Добролюбова: Проект «Литературный Север». – URL: <http://writers.aonb.ru/map/project.htm> (дата обращения: 21. 01. 2014).

3. *Галимова, Е.* История Архангельской писательской организации / Е. Галимова, Е. Кузьмина // Архангельская областная научная библиотека им. Н.А. Добролюбова: Проект «Литературный Север». – URL: <http://writers.aonb.ru/union/history.html> (дата обращения: 21. 01. 2014).

4. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 741. – Оп. 1. – Д. 159.

5. ГААО. – Ф. 741. – Оп. 1. – Д. 187.

6. ГААО. – Ф. 741. – Оп. 1. – Д. 199.

7. ГААО. – Ф. 741. – Оп. 1. – Д. 206.

8. ГААО. – Ф. 741. – Оп. 1. – Д. 208.

9. ГААО. – Ф. 5859. – Оп. 2. – Д. 1302.

10. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 846. – Оп. 1. – Д. 4.

11. ГАВО. – Ф. 846. – Оп. 1. – Д. 5.

12. *Коваленко, Р.* Земля Михайлы Ломоносова слушает слова писателей о человеке труда / Р. Коваленко, Л. Юнина // Литературная Россия. – 1970. – 16 октября. – С. 2 – 5.

13. Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Север». – URL: <http://www.sever-journal.ru/index.php/o-zhurnale/> (дата обращения: 21.01.14).

14. Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГААО). – Ф. 296. – Оп. 2. – Д. 1860.

15. *Фокина, О.* Моя родословная / О. Фокина // Вологодская областная универсальная научная библиотека: Ольга Фокина. – URL: <http://www.booksite.ru/fokina/main/life/myself/1.htm> (дата обращения: 21. 01. 2014).

16. Четверть века! // Север. – 1965. – № 6. – С. 3 – 5.

УДК 378.637

А.И. Тимургазиева

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ КАДРОВ В БАШКИРСКОЙ АССР В 1950-70-Е ГОДЫ

В статье на основе материалов Центрального Государственного Архива Общественных Объединений и Центрального Государственного исторического архива Республики Башкортостан исследуются вопросы подготовки национальных научных кадров в 50 – 70-е гг. XX в.; выявляются требования со стороны государства к научной интеллигенции и пути их реализации.

Наука, научные кадры, государственная политика.

The paper considers the issues of preparation of national scientific personnel based on the materials of The Central State Archives of the Social Unions in Bashkortostan in 50s-70s of the XXth century: the demands from the Government to the scientific intelligentsia and the ways of their realization are identified.

Science, scientific personnel, public policy.

Наше государство объединяет людей разных этнических, религиозных, культурных групп, разных территорий и местных традиций. Один из крупнейших регионов Российской Федерации, располагаю-

щий сказочными природными богатствами, – Башкирия. До революции она оставалась полуколониальным краем со слабо развитой промышленностью и примитивным сельским хозяйством.

С образованием Советского Союза, длительное время находившегося в состоянии внешнеполитической и экономической изоляции, стала проводиться четкая линия на подготовку высококвалифицированных кадров на территориях национальных республик, в том числе в Башкирии. Подчеркивалось, что это вопрос национальной безопасности страны. Суверенная, экономически развитая, конкурентоспособная страна – это страна самодостаточная в своем кадровом научном потенциале. Только огромный приток в науку творческих сил позволил бы ей выполнять те большие задачи, которые были возложены на ее плечи. Вопросы развития научных кадров в республике систематически рассматривались региональными государственными органами – обкомом партии и правительством республики. Республиканские органы власти реализовывали курс государственной политики по широкой подготовке высококвалифицированных кадров в БАССР.

В начале 1950-х гг. со стороны Бюро Башкирского обкома прослеживалась жесткая критика недостаточной подготовки национальных научных кадров. Институты систематически не выполняли плана приема и, соответственно, выпуска национальных кадров. Это могло стать препятствием тому, чтобы в науку вошли люди всех национальностей, чтобы научное творчество охватило представителей коренной народности республики.

В рассматриваемый период и в обкоме партии и в партийных организациях неоднократно обсуждались и анализировались проблемы, осложняющие подготовку национальных кадров. Среди причин снижения числа представителей коренной национальности выделялись незнание русского языка абитуриентами башкирами и татарами [8, л. 8] и неудовлетворительный уровень организации руководством вузов набора студентов.

Секретарь парторганизации Башкирского государственного педагогического института (БГПИ) М.Д. Маслов на городском партсобрании города Уфы 15 июня 1950 г. привел конкретный пример сокращения национального потенциала в вузе. Докладчик привел данные о том, что в 1938 – 1939 учебном году было 25 % студентов института из коренной национальности. Это соответствовало, примерно, этнической структуре населения республики. В то время как на 1950 учебный год студентов коренной национальности насчитывалось лишь 15,8 %. Это означало, что за десятилетие произошло резкое сокращение национального резерва института почти в полтора раза. Продолжая анализировать национальный состав, М.Д. Маслов отметил, что в 1949 – 50 учебном году из 338 выпускников пединститута – 53 башкира (15,6 %), татар – 81 (23,9 %). В 1950 – 51 учебном году из 384 выпускников пединститута башкир – 51 (13,2 %) и татар – 87 (22,6 %) [3, л. 215]. По результатам выпуска наблюдался факт того, что идет некоторое уменьшение удельного веса башкир и татар более чем на 1 % [6, л. 14].

Помимо необходимости повышения уровня преподавания русского языка в школах перед обкомом и

вузами стояла задача организации целенаправленного приема студентов коренной национальности [7, л. 144]. Пленум обкома считал закономерным то, что недостаточная забота руководителей институтов о приеме и подготовке студентов из башкир и татар приводила к крайне низкой прослойке из коренной национальности среди научно-педагогических кадров. Так, на кафедрах иностранных языков вузов республики национальные кадры представлены не были [21, л. 7]. Исключение составлял БГПИ, где в начале 50-х гг. из 28 преподавателей иностранных языков было восемь татар, что означало наличие всего 28 % национальных кадров [4, л. 6]. На кафедрах педагогики и психологии в Стерлитамакском и Бирском учительских институтах национальные кадры составляли менее 30 % [17, л. 6], и только в БГПИ – более 60 % [9, л. 58].

Незначительное число национальных кадров было представлено на кафедрах русского языка и литературы – около 10 %. Например, в Стерлитамакском учительском институте в 1952 г. из восьми членов кафедры был только один представитель коренной национальности.

Недостаточно обеспечены национальными кадрами были общественные науки в технических вузах. На кафедрах марксизма-ленинизма и политической экономии Уфимского Нефтяного института (УНИ) не было ни одного представителя коренной национальности [14, л. 8]. В Уфимском Авиационном институте (УАИ) работали около 30 % национальных кадров или двое из шести сотрудников кафедры марксизма-ленинизма [22, л. 7].

Общественные науки в Башкирском Государственном Медицинском (БГМИ) и Бирском учительском институтах были представлены только 16 % национальных кадров или одним из шести сотрудников на каждой кафедре [13, л. 36].

Наиболее же полно в первой половине 1950-х гг. национальные кадры на кафедрах общественных наук были представлены в Стерлитамакском учительском и Башкирском сельскохозяйственном институте (БСХИ). В первом из восьми преподавателей кафедр марксизма-ленинизма и истории шестеро (трое башкир и трое татар) или 75 % являлись представителями коренной национальности [18, л. 6]. Во втором практически полностью укомплектована национальными кадрами была кафедра политэкономии. На кафедре марксизма-ленинизма трудились более 60 % представителей коренной национальности или четверо из шести сотрудников [11, л. 262].

Бюро Башкирского обкома обязывало партийные организации, руководителей институтов больше и серьезнее заниматься подготовкой кадров из башкир и татар. Для того, чтобы был сформирован внушительный отряд научно-педагогической интеллигенции из коренного населения республики, следовало в короткие сроки переломить ситуацию нехватки национальных кадров. Это предполагалось сделать путем привлечения абитуриентов в вузы и новых сотрудников к преподавательской работе. Инструкции обкома предписывали особое внимание уделять вы-

полнению планов приема студентов, аспирантов и преподавателей в национальном разрезе.

В соответствии с основными перечисленными требованиями государственных органов в начале 1950-х гг., принимались меры по расширению общественно-гуманитарного сектора в вузах. Прежде всего это проявилось в выполнении плана приема студентов в национальном разрезе. Например, в БГПИ в 1951 – 52 учебном году предусматривалось принять не менее 60 % студентов коренной национальности. В результате широкой разъяснительной работы среди выпускников средних школ, в особенности отдаленных районов, по их привлечению в БГПИ на 600 мест было подано 1150 заявлений. В итоге в институт было принято 685 человек, в т.ч. 226 башкир (32,9 %) и 207 татар (30,2 %) [5, л. 19]. В предыдущем, 1950 – 51 учебном году, из 655 человек, принятых на первый курс, башкир было – 109 (16,6 %), татар – 132 (20,1 %) [1, л. 1].

Налицо стремление руководства БГПИ резко переломить ситуацию нехватки национальных кадров путем привлечения абитуриентов в педагогический вуз и выделения обязательного минимума мест для студентов башкир и татар. За один учебный год количество принятых студентов коренной национальности увеличилось более, чем в полтора раза, по сравнению с предшествующим приемом студентов.

Следует отметить, что сведения о количестве студенческого состава вузов разноречивы, но прослеживалась тенденция, с одной стороны, повсеместной критики недостаточного внимания к национальному резерву, с другой, как следствия этой критики, постоянного ежегодного увеличения числа студентов из коренной национальности. Особенно это касалось педагогических вузов, поскольку большинство их выпускников должно было отправиться работать в национальные регионы, в башкирские и татарские школы, где остро нуждались в профессиональной деятельности учителей. Для этого количество студентов должно было быть оптимальным по национальному составу. Сельский контингент в педагогических вузах с 1961 по 1970 гг. увеличился от 60 до 80 % [19, л. 1].

Одним из методов регулирования национального научного состава являлось также увеличение приема на обучение аспирантов из коренного населения. Например, с 1944 по 1953 гг. в аспирантуру БГПИ, где были представлены специальности общественно-гуманитарного профиля, было зачислено 18 человек. Специальность «башкирская литература» представляли трое башкир и двое татар, «башкирский язык» – шестеро башкир и двое татар, педагогику – двое башкир, русский язык – один башкир (физику – русский и башкир). То есть башкир – 13 (72,2 %), татар – четверо (22,2 %), русских – один (5,5 %) [16, л. 11].

Хотя подобный расклад во многом объяснялся представленными в аспирантуре специальностями – башкирская литература и башкирский язык, и здесь прослеживалась тенденция на увеличение числа аспирантов коренного населения. Предпочтение отдавалось национальным кадрам, так как стояла задача

формирования научной интеллигенции из числа коренного населения республики.

Такие же тенденции сохранялись и в последующие годы. Так, в середине 1960-х гг. в Башкирском государственном университете (БГУ) из девяти аспирантов, специализирующихся по общественно-гуманитарным дисциплинам, башкир было шестеро (66,6 %), татар – один (11,1 %), русских – двое (22,2 %). В 1968 г. аспирантуру БГУ закончили два специалиста общественно-гуманитарного профиля – башкир и татарин [10, л. 66].

Соответственно, увеличилось число представителей коренной национальности среди преподавателей кафедр общественно-гуманитарных наук. К началу 1970-х гг. на кафедрах общественных наук в УАИ работали 36,6 % национальных кадров, в УНИ – 56 %, в БГМИ – 46 %, в Бирском педагогическом институте – 18 % [15, л. 117].

Некоторое же сокращение, по сравнению с началом 1950-х гг., представленности национальных кадров в БСХИ – до 33,3 % и Стерлитамакском государственном педагогическом институте (СГПИ) – до 43 % [12, л. 262], произошло вследствие общего расширения штата кафедр общественных наук. Появился национальный резерв среди преподавателей иностранного языка. В СГПИ он составил 44,4 % или четверо из девяти преподавателей, в УАИ 31 %, т.е. семеро из 22, в Бирском педагогическом институте 18,1 % [23, л. 22]. На кафедрах русского языка и русской и зарубежной литературы он достиг 20 % [20, л. 8]. На кафедрах педагогики и психологии он возрос до 55 % в Бирском педагогическом институте и до 42,2 % в СГПИ [21, л. 51].

Распространенное мнение о том, что российская наука – дело федерального центра, осталось в далеком прошлом. 1950 – 70-е гг. развития окончательно разрушили миф о «научной провинции», доказав, что относительно небольшие институты более самоотверженны и работоспособны, а значит и более стабильны. Без преувеличения можно утверждать, что научный потенциал удалось сохранить и приумножить благодаря провинции, в частности, БАССР.

Увеличение и улучшение кадрового потенциала в отдаленных от центра страны регионах признавали и объективные (и даже ревнивые) западные наблюдатели и ученые. Они пытались выявить и проанализировать причины расцвета советской науки. По словам науковеда-советолога М. Полани, научный прогресс, который был достигнут Советским Союзом, как, впрочем, и любым другим государством, обусловлен инициативой людей, жаждущих включиться в процесс активного творчества, обладающих способностью оригинально мыслить, самостоятельно выбирать проблемы исследований и успешно их решать в соответствии с собственным разумением.

Значительные бюджетные ассигнования, последовательная работа государственных органов по увеличению численности и повышению квалификации научно-педагогических кадров способствовали совершенствованию преподавательского состава, по-

лучению несомненных достижений, принесших мировое признание.

В условиях государственной поддержки и опеки высшей школы к 1970 г. в республике была устранена проблема острого недостатка квалифицированных научных кадров. В Башкирской АССР была определена устойчивая традиция широкой подготовки национальных научных кадров. Она включала в себя целенаправленную работу органов государственной власти по увеличению численности и повышению квалификации научных кадров в вузах. К 1970-м гг. в республике сформировалась научная интеллигенция из числа местного, прежде всего коренного, населения. Ученые ощутили себя важным социальным институтом, активно участвующим в формировании политической жизни и в ее возможном переустройстве.

Однако достигнутые советской наукой очевидные и бесспорные успехи отнюдь не означают того, что советская модель управления является эталоном и резервы совершенствования системы работы с кадрами исчерпаны. Оценивая опыт управления работой научно-педагогических кадров в 1950 – 70-е гг., извлекая из него определенные уроки для качественной модернизации современного образования, общество все больше приходит к выводу, что научно-педагогическая деятельность не может быть чисто самодеятельностной, не нуждающейся в государственной поддержке. Только при таких условиях возможно обеспечение максимальной пользы для куль-

турного развития общества и его постоянного прогресса.

Источники и литература

1. Центральный Государственный архив Общественный объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). – Ф. 122. – Оп. 30. – Д. 335.
2. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 30. – Д. 395.
3. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 30. – Д. 397.
4. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 30. – Д. 544.
5. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 30. – Д. 599.
6. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 32. – Д. 591.
7. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 32. – Д. 2076.
8. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 33. – Д. 702.
9. Центральный Государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). – Ф. Р-95. – Оп. 1. – Д. 36.
10. ЦГИА РБ. – Ф. Р-802. – Оп. 3. – Д. 1805.
11. ЦГИА РБ. – Ф. Р-1254. – Оп. 4. – Д. 72.
12. ЦГИА РБ. – Ф. Р-1254. – Оп. 4. – Д. 73.
13. ЦГИА РБ. – Ф. Р-1303. – Оп. 6. – Д. 78.
14. ЦГИА РБ. – Ф. Р-2372. – Оп. 1. – Д. 19.
15. ЦГИА РБ. – Ф. Р-2372. – Оп. 1. – Д. 533.
16. ЦГИА РБ. – Ф. Р-3274. – Оп. 2. – Д. 156.
17. ЦГИА РБ. – Ф. Р-3274. – Оп. 2. – Д. 32.
18. ЦГИА РБ. – Ф. Р-3274. – Оп. 2. – Д. 33.
19. ЦГИА РБ. – Ф. Р-3274. – Оп. 2. – Д. 394.
20. ЦГИА РБ. – Ф. Р-3274. – Оп. 2. – Д. 414.
21. ЦГИА РБ. – Ф. Р-4398. – Оп. 1. – Д. 57.
22. ЦГИА РБ. – Ф. Р-4398. – Оп. 1. – Д. 142.
23. ЦГИА РБ. – Ф. Р-4398. – Оп. 1. – Д. 315.